

венным средством частушки, особенно плясовой, является звучная и четкая рифма, внутренняя и внешняя, последняя чаще всего перекрестная. В лексике распространены уменьшительно-ласкательные суффиксы и смешение разностилевых лексических элементов. Саткинская частушка рабочих уменьшилась количественно, но несомненен рост ее качества: совершенствуется ее поэтика, обогащается лексика, развивается ритмика и мелодика, появляются частушечные циклы и спевы. Частушки городов и поселков Саткинского района, по сути, являются рабочими лишь по среде бытования и распространения. Саткинская частушка является частью общерусского частушечного фонда.

И. Ю. КАРТАШЕВА
Челябинский университет

Эстетическая природа прозвищ (на материале рабочего фольклора Урала)

Прозвища давно привлекают внимание собирателей и исследователей. Но проблема их эстетической природы до сих пор не решена. Это объясняется тем, что этнографические и лингвистические качества прозвищ более отчетливы и легче поддаются анализу, нежели художественные. Между тем еще Н. Ф. Сумцов указывал, что прозвища являются выражением духовной жизни народа: «Можно сказать, что в создании фамильных прозвищ выступает в виде частного проявления тот же творческий дух народа, который в более ясных и отчетливых формах выразился в песнях, пословицах и поговорках»¹. Советская исследовательница А. П. Селявская характеризует прозвища как открытую книгу народной эстетической аксиологии, своеобразную питательную среду крупных фольклорных форм².

В данной статье мы попытаемся более подробно рассмотреть эстетические качества прозвищ на уральском материале.

Очевидно, что прозвища тесно связаны с бытом народа, отражают реальные признаки их носителей: внешний облик, манеру говорить, одеваться, занятия, вид труда, бытовые традиции. Ученые неоднократно пытались более точно установить те свойства, на которые опираются прозвища. Однако при всей кажущейся полноте этих классификаций ряд прозвищ либо не

¹ Сумцов Н. Ф. Малорусские фамильные прозвания//Киевская старина. 1885. Т. 2. С. 215—216.

² Селявская А. П. Эстетика слова//Эстетические особенности фольклора. Улан-Удэ, 1969. С. 50.

укладывается в рамки перечисленных групп, либо относится одновременно к нескольким разрядам. Например, не поддается однозначному определению прозвище жителей уральских горнозаводских поселков — «шмат». В первые годы Советской власти драматург Н. Погодин, побывавший на Бакале, выпустил книгу «Дом с золотой крышей», в которой зафиксировал один из вариантов объяснения этого прозвища: «Мы — шматы. Но мой друг европеизирован: он носит сапоги, а подлинный шмат сам плетет себе лапти, а кожаную обувь презирует. Узнаю, что прозвище свое коренные рудокопы получили от лаптей. Лапотный ошметок. Шмат. Глубокое старинное прозвище. Море слез разлито по рудникам Бакала. Мучениками были предки шматов»³. Такая трактовка вполне соответствует традиции, хотя существует и другой вариант: «В 1912 году князь Белосельский-Белозерский обнаружил полевые шпаты — сидериты. Он, в белых перчатках, подходит как-то к рабочим и говорит: «Это — ценность, полевой шпат». А у князя была женщина-коногон. Она не имела передних зубов и плохо говорила. Кричит она в карьерах: «Князь сказал, что это настоящий шмат!» Так и повелось — шмат и шмат»⁴. Одно прозвище, таким образом, попадает в разные тематические группы, подобных примеров множество. Получается, что подразделять прозвища по признакам, лежащим в их основе, можно только зная точную причину их появления, а такая возможность не всегда имеется. Однако даже при наличии данных о происхождении прозвищ трудно избежать ошибок. Выявление исторических основ прозвищ оправдано при этнографическом аспекте изучения. Правда, подход не раскрывает и не учитывает творческой природы материала, бытующего в многообразии вариантов. В. А. Никонов указывает на главный недостаток существующих исследований: «Вместо поиска методов анализа быстро создан общий штамп псевдоанализа: за семантику прозвищ выдаются лексические значения тех основ, из которых прозвища образованы»⁵. Прозвища не поддаются логической, формальной классификации, так как в их основе лежат не просто бытовые реалии, но жизнь, уже отобранная и оцененная под определенным углом зрения.

Прозвища играли огромную роль в закреплении и регулировании этических традиций коллектива. «Мнение семьи, родственников за пределами семьи, ближайших соседей, деревни в целом и комплекса близлежащих деревень — все это также были регуляторы поведения, оказывавшие постоянное непосредственное воздействие на формирование и сохранение этиче-

³ Погодин Н. Ф. Дом с золотой крышей. М., 1927. С. 20.

⁴ Фольклорный арх. Челябин. ун-та. Колл. «Сатка-83» (далее — ФА ЧГУ).

⁵ Никонов В. А. Типология славянской антропонимии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX междунар. съезд славистов. М., 1983. С. 262.

ских воззрений и соблюдение этических норм. ...При этом широко использовались художественные формы для выражения претензий. ...Претензия, выраженная в традиционной фольклорной форме, соответствующей обстоятельствам, считалась уместной там, где был совершенно невозможен прямой выпад «на людях»⁶, — отмечает М. М. Громыко. Не последнюю роль в этом процессе играли и прозвища. Они отражали репутацию отдельного лица, репутацию семьи, переходили из поколения в поколение, и сама община имела определенные прозвища среди окрестных селений. Такое же значение прозвища имели и в трудовых коллективах. Они выражали коллективную народную, прежде всего этическую оценку и закрепляли ее в устной традиции. Прозвища — плод коллективного творчества. Они так и возникают — «на миру»: на «вечерках», «беседах» молодежи, в разговоре степенных мужчин, во время работы — т. е. в такой обстановке, когда, по словам В. Ястребова, «творческая мысль находит для себя необходимое возбуждение и восприимчивую почву»⁷ и, добавим, подкрепляется коллективным одобрением. Эта непосредственность и активность народного эстетического отношения к действительности проявляется на всех уровнях процесса создания прозвищ. Сам жизненный материал, лежащий в их основе, проходит идейно-эстетическую обработку, пропускается через призму нравственных идеалов народа. Все, что не соответствует традиционным представлениям, оскорбляет или смущает народное эстетическое и этическое чутье, — все это подлежит закреплению в прозвище. Таким образом, уже на первой ступени происходит процесс обобщения реальности. Отбираются и типизируются те черты, которые представляют основное, характерное для наблюдаемого объекта, либо те, которые поражают своей непохожестью на привычное, устоявшееся. Так закладывается важнейшее качество прозвищ — способность обобщать действительность. Яркость, убедительность прозвища связана с изобразительно-выразительными возможностями слова, обозначающего отобранный материал. Поэтому на уровне непосредственного создания прозвища главным становится поиск слова, способного нарисовать явление и оценить его. Именно в этом наиболее наглядно проявляется творчество народа при создании прозвищ, в склонности к «языковой игре», желании «не только сообщить что-то, не только использовать язык в утилитарных целях, но и самому испытать и вызвать у собеседника эстетическое чувство самой формой речи»⁸. Огромную роль здесь играет личность рассказчика, склонность к острословию, балагурству.

⁶ Громыко М. М. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (18—19 вв.) // Там же. С. 115, 117.

⁷ Ястребова В. Малорусские прозвища Херсонской губернии. Одесса, 1893. С. 5.

⁸ Русская разговорная речь. М., 1983. С. 173.

Прозвища возникают и живут только в стихии разговорной речи. Они опираются на общенародный язык, на слова в их бытовом, повседневном значении, но в прозвищах за словом всегда стоит второй, художественный план. А сами слова приобретают особый эстетический смысл, связанный с идейно-эмоциональной оценкой называемого явления. Прозвища рассчитаны на сотворчество, предполагают соответствующий отклик аудитории, умение слушателей включаться в игру и поддерживать шутку. Желание достойно ответить на поддевку породило приветно-ответные формы прозвищ: «Катавских звали келейниками. Когда-то верующие не хотели жить с народом, уезжали за гору Зигальгу, строили себе избушки, очаги, плели лапти. Вот и прозвали келейниками — живут отдельно. И сейчас так зовут. Бывает, в автобусе один другого кричит: «Эй ты, келейник!» А тот отвечает: «Эй ты, шма!»⁹.

Черта, свойственная объекту, отражается в прозвище не прямо, а через ее соотнесение с другим предметом, у которого обнаруживаются идентичные качества. Сопряжение разных предметов в прозвище идет по ассоциативному пути. Прозвище злого, хмурого человека — «Туча»¹⁰ — создано на основе близких ассоциаций. Однако есть случаи, когда ассоциативная связь проявляется неявно и прозвище менее мотивировано: «Раньше все с прозвищами ходили. У нашей породы — Зима. Зимина порода. А как получилось? Дедушкин дом был у реки, люди едут, он выйдет посмотреть, а борода у него большая, белая. Все: «Борода-то белая, как зима»¹¹. Поэтому для каждого употребления прозвища очень важен контекст, проекция на ситуацию речи, разговора. При этом одно и то же прозвище, попадая в разные условия, может приобретать дополнительные смысловые нюансы, сохраняя все же основной смысл, заданный идейно-эмоциональной оценкой явления, традицией употребления прозвища и его стилистическим «ореолом».

Итак, прозвища опираются на важнейшие свойства художественного мышления: емкость, способность передавать общее через единичное, совмещать объективные оценки и субъективные мнения.

Очевидно, однако, что не все прозвища обладают равной степенью образности. Это обстоятельство может и должно лечь в основу эстетической классификации прозвищ, которая позволит выявить их типы в зависимости от структуры образа и стилизового оформления материала. Образность предполагает двуплановость, сравнение, «взаимоотражение» предметов друг в

---

⁹ ФА ЧГУ. Колл. «Сатка-83».

¹⁰ Фольклорный арх. Урал. ун-та. Колл. «Полевской-81». С. 42. (далее — ФА УрГУ).

¹¹ ФА УрГУ. Колл. «Мраморское, Косой Брод-81». № 81.

друге¹². Учитывая это, мы попытались наметить типологию прозвищ по степени нарастания в них образных качеств.

1. Прозвища, которые не содержат в себе образного начала. Они выполняют лишь обобщающе-номинативную функцию и, конкретизируя понятие о каком-либо качестве, выступают как экспрессивно и образно нейтральные констататоры фактов: «Куряки» — жители селений Октябрьского р-на Челябинской обл. — выходцы из бывшей Курской губернии¹³. «Тверские» — жители по правому берегу реки Нязи в Нязепетровске Челябинской обл. — за происхождение их предков из бывшей Тверской губернии¹⁴. «Казарменные» — жители села Рудничного (на Бакале, Саткинский р-н, Челябинской обл.), потомки которых, пришедшие для работы на рудник, жили когда-то в казармах, имевших крайне плохое устройство¹⁵.

Заметим, что в контексте фольклорного произведения или разговора подобные прозвища могут обрести образность. Например, хорошо известны песни и частушки, состоящие из прозвищ указанного типа. Соседствуя и взаимодействуя, эти прозвища получают «прирост» художественного содержания, обогащаются идейными, эстетическими, этическими оценками. Особенно активно насыщаются образностью прозвища в контексте смеховых, анекдотических жанров. Причем если связь с фольклорным произведением, с ситуацией появления прозвища ощущается, если внешне нейтральное прозвище еще окружено эмоциональной или исторической памятью, то, даже употребляясь отдельно, оно сохраняет свои оценочно-художественные качества. Так, прозвище жителей уральской деревни Кашино «баранники» до сих пор имеет хождение и намекает на практическую сметку, хитрость обитателей. А возникло оно в связи с перегонами скота из степей Казахстана: «Овец гнали через Кашино, а кашинские-то мужики хитрые: понароют ям. Овец-то тысячами гнали, а пастухов всего 4—5 было. Одна-две овцы все равно в яму свалятся. Вот отсюда их и прозвали баранниками»¹⁶.

Таким образом, именно контекст или его «следы» (фиксированное эмоциональное значение) сообщают прозвищам этого типа эстетические качества.

2. Вторая группа — прозвища, которые тоже ориентированы на контекст: образ, содержащийся в них, проясняется, уточняется за счет его соотнесения с реальной действительностью

¹² «Образ... есть система взаимоотражений» (Палиевский П. В. Внутренняя структура образа//Теория литературы. М., 1962. С. 80). См. также: Роднянская И. Б., Кожин В. В. Образ художественный//Крат. лит. энцикл. М., 1968. Т. 5. С. 363—369.

¹³ Бирюков В. П. Урал в его живом слове: Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953. С. 202.

¹⁴ Там же. С. 203.

¹⁵ Там же. С. 202.

¹⁶ ФА УрГУ. Колл. «Сысерть-82». Тетр. 6. Л. 35, № 103.

или текстом фольклорного произведения. Но в прозвищах этой группы сами лексические значения слов, их экспрессивно-эмоциональная окраска, стилевое оформление уже дают ключ к толкованию образа.

В основе образа лежит переносное, метафорическое словопотребление: «Кувалда» — прозвище жителей с. Успенское на Бакале — за их старую профессию добывать руду кувалдой»¹⁷.

Прозвища «Кайло», «Селедка»: «Сосед говорил моему деду, — рассказывает житель поселка Рудничное П. Д. Хованов, — у тебя ребята тихие, послушные. А у меня Семка народил... Санька — настоящее кайло: все везде перешвыряет, перекопает. ...У них еще сестра была Селедка — худенькая, тонкая. Так и похоронили Селедкой»¹⁸.

Ко второй группе примыкают прозвища, смысл которых установить трудно, а порой и невозможно: Харчик¹⁹, Базуня²⁰, Бомзя²¹. Образность этих прозвищ основывается на экспрессии звуков, ассоциируемой с объектом. Именно первоначальное звуковое впечатление становится основой для наглядных представлений о человеке. Разновидностью этого типа являются звукоподражательные прозвища: Бим-бом: «Старуха здесь жила, суровая такая, говорит рвяно-рвяно (рывисто), ее и прозвали Бим-бом. Сына ее потом так звали и внуков — бомбята»²². Ягуны — прозвище тех, кто произносит «яго» вместо «его»²³.

3. Прозвища, в которых образ представлен через систему переносных значений, а сам образный, «стыковой» принцип (двуплановость, в данном случае — соотнесение с человеком, животным, растением, предметом быта и т. п.) реализован в тексте прозвища. Например: «Ваня-Носик — прозвище старикашки маленького роста, а нос большой и загнулся кверху»²⁴.

Дуня долга-волчьи пяла — прозвище тощей, но высокого роста женщины, с широко и прямо посаженными плечами, — соответствие первой половине прозвища. Пяла — деревянная развилка, на которую в целях просушки натягивается шкура убитого зверя. Для таких зверей, как ласка, белка, заяц и других — пяла должны быть маленькими, а для волка они будут соответственно большими. И вот, подтрунивая над своей землячкой, односельчане называли женщину волчьими пялами, —

---

¹⁷ ГАСО. Ф. 2266 р. Оп. 1. Д. 276. Л. 7.

¹⁸ ФА ЧГУ. Колл. «Сатка-83».

¹⁹ Ярков В. П. Народные слова и прозвища, записанные в Сысертском заводе Пермской губернии Екатеринбургского уезда//Живая старина. 1899. Вып. 4. С. 530.

²⁰ Там же.

²¹ Серебренников В. Н. О народных присловиях//Пермский краеведческий сборник. 1926. Вып. 2. С. 176.

²² ФА УрГУ. Колл. «Оренбургская обл.-79». Л. 85, № 84.

²³ Бирюков В. П. Уличное имя//Урал. следопыт. 1961. № 2. С. 37.

²⁴ ГАСО. Ф. 2266 р. Оп. 1. Д. 285. Л. 40.

такими де по величине должны быть они, чтобы распылить шкуру волка²⁵.

Завершая обзор первых трех групп прозвищ, заметим, что их изобразительно-выразительные возможности ограничены, образ статичен, законсервирован.

Однако существуют группы прозвищ, в которых намечается движение, развитие образа, реализующееся в повороте сюжета, сюжетном ходе, мотиве. Прозвищный образ движется от лирики к эпосу, приобретая черты эпичности, повествовательности. Эти типологические группы имеют более четкую жанровую ориентировку, а зачастую превращаются в пословицы, поговорки, прибаутки, анекдоты, предания и т. д.

4. Прозвище как концентрированный образ проявляется в движении сюжета: «Чернотропы» — прозвище жителей д. Кошкуль Челябинской области — за неопрятность: сколько грязи на ногах есть, всю ташили в избу, образуя на полу черную тропу²⁶. «Гужеды» — прозвище бедняков, которые с голоду были принуждены есть гужи от упряжки²⁷. Строение этих прозвищ (сложное слово) помогает развитию образа.

5. К последней, пятой, группе мы относим прозвища с развитым сюжетом, фабулой: «Березовских раньше называли кишечниками. Говорили, что золото моете, сами голосом воете, кишки водой промываете, сыты не бываете. Пышминцев называли кулажниками, потому как кулагу варили, пьяными бывали, хлеба не едят, в канавах лежат, да на небо глядят»²⁸. В таких прозвищах образ обретает движение в тексте, оценочная эстетическая сторона прозвищ в силу более сложной структуры наполняется большим смыслом, прозвища разворачиваются в поговорку, предание, анекдот.

Подводя итоги наблюдений над структурой образа в прозвищах, можно сделать вывод, что все прозвища, в конечном счете, ориентируются на контекст и поэтому балансируют на грани сжатия — разворачивания. Их жизнеспособность связана с действием двух противоположных, но тесно связанных друг с другом тенденций: устойчивости и подвижности. Прозвища с «нулевой», или «недостаточной», образностью стремятся обрести ее и разворачиваются в предания, анекдоты, песни, а красочный образ, напротив, способствует сжатию фольклорного произведения до прозвища. Эти процессы постоянны и проявляются на всех этапах художественно-исторической жизни прозвищ.

Прозвища отличаются особыми обобщающими свойствами, собственным комплексом эстетических и бытовых функций. Однако они не могут быть квалифицированы как отдельный

²⁵ Там же. Д. 279. Л. 1.

²⁶ Бирюков В. П. Урал в его живом слове... С. 203.

²⁷ Там же. С. 192.

²⁸ ФА УрГУ. Колл. «Березовск-66». Л. 133.

жанр (или жанровая разновидность), поскольку обладают подвижной, гибкой структурно-образной организацией, не отлившейся в устойчивые формы.

Прозвища — это образные выражения, появляющиеся и функционирующие в народной разговорной речи для эмоциональных, как правило, смеховых оценок особенностей характера, поведения, внешности, бытовых привычек отдельных людей и групп. Они характеризуются свободной структурой и существуют как жанровая тенденция²⁹, расположенная к вхождению в разные жанры фольклора.

Т. Н. ЯКУНЦЕВА
Уральский университет

Песни о рабочих городах

Песенный репертуар рабочих — явление сложное и неоднозначное. В него входят произведения профессиональных авторов и фольклорные (причем фольклорные — как созданные самими рабочими, так и воспринятые из фольклора разных социальных и профессиональных групп в различные временные эпохи). «Идейно-эстетическая и художественно-стилевая традиция современного рабочего фольклора представляет собой сложное образование, вбирающее каноны и крестьянского, и городского рабочего фольклора, и словесного профессионального искусства»¹.

Особое место в современном репертуаре рабочих занимают произведения самодеятельных авторов. На наш взгляд, эти произведения фольклорны и литературны одновременно. Они свидетельствуют об огромной социальной и эстетической активности рабочего класса на современном этапе развития социалистического общества. Тематика и жанровые проявления их разнообразны.

Возникновение песен о рабочих городах, с одной стороны, явление новое, характерное для художественного творчества социалистического общества, но с другой стороны, — своеобразное продолжение фольклорной традиции. В дореволюционном фольклоре существовала традиция песен (в основном шуточных, сатирических) о населенных пунктах, на Урале — о заводах,

---

²⁹ Термин «жанровая тенденция» принадлежит А. С. Селявской (см. указ. выше работу). К сожалению, исследовательница не объяснила свое понимание этого термина применительно к прозвищам.

¹ Кругляшова В. П. Теория и методика изучения роли фольклора в духовной культуре рабочих // Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса: Тез. докл. симпоз., 26—28 июня 1984 г. Свердловск, 1984. С. 10.